

Ирина

Отгеская

ДВУНОГИЕ ЗВЕРИ ЗЕМЛИ

НЯНЬКА

На обратной стороне луны
И гадать не надо – ясли божьи:
Гады, прохиндеи и вельможи,
Воры, кровопийцы, сатаны
С буковок заглавных все на рожу,
С буковок заглавных все равны.
Грязные порточки, ротик-ямка –
Нянька не справляется одна,
А у няньки на луне – делянка,
Лавочка и больше ни хрена...
Курит нянька самосад ядреный,
Нюхает, как водится, табак.
А чего ты, Господи, смущенный,
Тут без этой прелести никак.
Смушки-белобоки землю топчут,
Воют на луну, когда не лень.
Нянька нянчит, нянька тихо ропщет
В полную до края колыбель.

КОРОТКИЙ СКАЗ

Вижу, восходит солнышко,
Нет на земле имён,
И, как библейски водится,
Есть только я и он.
Мелется ли, не мелется
Во жерновах зерно,
В хлеву корова телится,
Рвет бурдюки вино.
И у костра трескучего
Деткам поет Адам,

Здесь по какому случаю
Душу кому продал.
Широко улыбаясь
Зубками из «ребра»,
Песенке подпеваает
Женщина и жена...
Супится полумесяц:
Слишком короткий сказ.
Нынче на белом свете
Знают везде о нас.

ГОРОДСКОЕ

Поэзия слетает с языка
И селится на краешке стиха,
Как бусинку нанизывая душу
На гибкий прутик умницы-весны,
На чётки проходящего муллы,
На первоцвета стебелёк набухший.

Плывёт весь мир в гармонии и цвете:
Собачки, птицы, дети и поэты,
Да фантик долетающей попсы
Вплывает на вселенские весы.
Проталин ветки
В пасквильях чернильных.
И ты плывёшь,
Потрёпанный, но сильный...

В заутренней Аллаха и Христа.
Между соседством храмов-иноверцев,
Где подпеваает ширь и высота,
Течёт намаз за пазуху и в сердце.

И всё кругом –
Слова, и все стихи –
Квантемы, амфибрахии, верлибры –
Любви и сущей жизни алгоритмы,
Со всеми говорящие на «ты».

МИНЕРВА

– Ничего, ничего не случится,
Пока мудрая пряха прядет,
Пока хищная синяя птица
Совершает незримый полет,
Пока дервиш не ищет подводы,
А бредет босиком по воде,
Пока пламя заветной свободы
Полыхает в небесном костре,
Не спускаясь в сердца и на землю,
Пока крошки клюют воробыи...

Почему ты уснула, Минерва?
Говори же со мной, говори...

– На краю звездопада и были,
В навзничь брошенном слове моем,
Упали челны и светила,
Упали, и мы упадем.
Так миллениум пальцем прозрачным
Проведет по твоей бороде...
И останешься ты безучастен,
Как и я безучастна к тебе.
Жизнь – дырка от бубличных горок,
Трубки мира божественный смрад...
Мы, конечно, раскурим с тобою.
Пусть о нас еще поговорят.

ИСХОД ФЕНИКСА

Чудная птица Феникс
долгою шла рекой,
Переплывала русла
так, что вода кипела.
Очень хотела птица
стать лебедино-белой,
Очень хотела птица
к богу на водопой.

Алы крыла макала,
брызгала на иконы,
Грызла молитвы сую,
дабы избыть огонь,
Сердцем плевала в реку
и поднимала веки,
Время крутило пальцем:
«Стать ли тебе другой?»
Господи, ты не видел,
как опаляет песня,
Как из углей выходит дикий ее пожар,
Что клокотала бездна,
что замирало солнце,
Что еретик крестился яро и обмирал...
Сжалился лишь однажды
и умертвил сказанья,
И задохнулись ноты
страшной своей красотой,
И покатила капля
светлою тонкой цаплей,
Пухом по ветру белым,
снегом над головой.

ЧТО ВЗОШЛО?

– Что возшло?
– То, Господи, не сеял!
Я из края в край прошел землёй.
– Чье ярмо болтается на шее?
– Господи, что выдано тобой.
– Кто с тобой?
– Со мной всегда Иуда.
Под венцом. На троне. И в нужде.
– Что в котомке?
– Только вера в чудо
В самом потаенном уголке...

ПЕСКАРИКИ

Холодает. Утро раннее.
Налови-ка пескарей,
Где прикормленными стайками
На волне снуют твоей,
Где серебряными брюшками
Сами просятся в сачок

И плывут речными руслуами
 До забродников-сапог.
 И корзиночка рыбацкая
 Стала им родней реки,
 Дурачки – они не разные,
 Они просто дурачки.
 Оттого не видят берега,
 а за берегом стола,
 Оттого и я пескариком
 Вокруг ног твоих плыла.

РЕЛИКТОВЫЙ

Реликтовый мох облетает с ветвей
 Извилов и петель.
 И эхо такое, что крикни «Э-е-й!» –
 Оглохнешь от эха.
 Дремучие змеи Адамовых дней
 Снуют, наловчились.
 И яблоко яблок в ладони моей,
 Как бабки учили.
 Для дуба нет времени, сотни колец
 Под панцирем выются.
 Да живы ли, нет ли еще соловьи,
 Что в сердце скребутся?
 Весь вздор возлияний,
 Бегущий к корням,
 Накормит едва ли.
 Он выше, он знает, к каким берегам
 Дубы созывали.
 И слушает молча змеиную бредь
 (Она вездесуща),
 Но яблоко хочет в девичей руке
 К нему дотянуться.

* * *

Амуры распушены хартией вольной.
 Невеста, не плачь.
 Еще Мендельсон не придумал
 Влюбленным
 Свой свадебный марш.
 На рыбьем меху подвенечного платья
 Нет крови твоей.
 Еще лебедей отпускает кухарка.
 Двоих лебедей.

Пока что очаг не горит, не растоплен –
 Нет сажи при нем...
 И чистое – чисто, и белое – бело
 (Не пашем – не жнем).
 Нет склеенных чашек, за пазухой камня –
 Топись – не сможешь.
 Да бог отмечает в секретной тетрадке,
 Куда попадешь.

* * *

Если коснется рукой благодать
 С сердцем блаженного лиха,
 Стану на дудке веселья играть,
 Как все земные шутихи.
 Рубище, лапти, знай-ведай про всё,
 Смейся в царевые глазки,
 С века водились у нас, дураков,
 Басенки, присказки, сказки...
 Ересь глаголить, что правдой зовут,
 Жить в Диогеновой бочке
 И с фонаришкой встречать его тут:
 То ли домой, то ли в гости.
 А перед сном расспросить обо всем,
 Как тут бывало от века,
 Каждый блаженный ли был дурачком,
 Каждый дурак – человеком?
 Ухает филин на дальнем лужке,
 Что он ответит, не знаю.
 Баюшки-баю (неведомо где),
 Слезки ему вытираю.

* * *

Оттепель – хорошо и свято,
 Небо щурится в красный глаз.
 Я омою сердце своё в закате,
 Прямо в лужице, начисто в этот раз.
 Почитаю с полки бессмертной чуши,
 Буду пыль стирать, буду суп варить,
 Потому что люди должны, как люди,
 И прощать, и здравствовать, и любить.
 Не робеть. Служивые богу – святые,
 Пьют ли горькую сладко,
 Звонят в набат.
 У меня для крестиков нет тетрадки,
 А у Бога – память, зачем тетрадь?

Лишь весна,
Землица размером в шесть соток,
Да сосед, придурок, хоть божья тварь.
Всё на месте. Господи! Хорошо как!
Ничего-то, Господи, не меняй!

* * *

Как розовый ситцевый берег,
Мерцанье надежды вдали.
Мы только немножечко звери,
Двуногие звери земли.
Мы только немножечко люди –
боимся своих миражей.
Но так упоительно любим,
Что лишь ненавидим сильней.

О ПРИМЕТАХ

Что метлы повернуты к небу –
Хорошей приметой считается.
А жить по приметам недурно?
Недурно, недурно.
Так мудрость вселенского быта,
(Как есть) пусть кому-то не нравится,
Привита за каждым.
А как же.
Привита, привита.
Читать эпиграмму:
«Живем мы, не чужа страны», –
Быть Осей для мамы
И жить в середине тридцатых...

Христу говорили: «Приметы,
Родимый, еще поживи».
Он знал лишь одну –
Народ принимает распятых.
Коль красное небо, то ведро –
Глаголят века,
И слова не скажешь.
И нет Мандельштама.
И Господа ищут пока.
Найдут и распнут?
Найдут и распнут,
А то как же.

ЛЕТЯЩИЕ ЛЮДИ ШАГАЛА

Я слишком мудра и безумна,
Раз вижу во всем Рождество,
В игривой тропиночке лунной
Резвится мое озорство.
Незыблемей ветхой надежды
Смотрю на обрывок-шагрень,
Как первый отбившийся грешник
От сотен теней и врачей.

И горькое сладкому внемлет,
Когда остается чуток...
Пыльца от скользящих мгновений –
Всего лишь вселенский оброк.
Всего лишь. По краю шагая,
Сподручней смотреть за края...
Летящие люди Шагала
Надмирно вдоль кромки парят.

Ирина Отческая родилась в 1979 году в Усть-Каменогорске, сейчас проживает в п. Глубоком. Член литературного объединения "Звено Алтая". Публиковалась в коллективных сборниках, периодической печати района и области.

